

Деревянный ящик открылся легко.

Внутри оказались какие-то книжки синего цвета, но без названия.

Еще сложенный правильным квадратом тонкий шелк.

И одно маленькое резное изображение на камне.

Мужун Шу Цин взяла резьбу по камню, чтобы внимательнее рассмотреть ее. Ручная работа была несколько грубой, однако и искусство мастера не было простым. В свете свечей можно было смутно разглядеть, что на резьбе изображен человек в широкой мантии ученого, стоявший со скрещенными руками. Хотя черты его лица были несколько расплывчаты, и нельзя было ясно разглядеть его внешность, но чувствовалось, что мастер, вырезавший его, изо всех сил старался изобразить улыбающееся выражение лица этого мужчины. Резьба была простой, и было видно, что мужчина должен быть красивым и умным, а также уверенным в себе.

Отложив резьбу по камню, она слегка погладила верхний слой тонкого шелка, он был нежным, гладким и легким, но текстура была твёрдой, это показывало, что шелк первоклассного качества. Этот вид шелка чаще использовался как холст для художников, он был подвижным и легким, и его было нелегко повредить. Он все еще мог сохранять яркое изображение, как будто был новым, хотя хранился в течение длительного времени. Цена такого шелка была очень дорогой.

При таком освещении нельзя было увидеть, что изображено на нем, даже если его открыть, поэтому Мужун Шу Цин отложила шелк в сторону. Потом взяла лежавшие рядом книги и пролистала. В этих книгах оказались написанные Ци Юэ стихи и ее дневники с подростковых лет. Мужун Шу Цин подумала, что это интересно, поэтому решила взять с собой несколько книг. Решив, что их недостаточно, она сказала Цзин Шуй, которая была рядом с ней: «Цзин Шуй, помоги мне перенести оставшиеся книги во внутренние покои».

В доме семьи Мужун она уже видела некоторые книги и заметки, оставленные Ци Юэ, и уже тогда решила, что та была особенной женщиной. Теперь, приехав в семью Ци и остановившись в Цуй Сяо Су, она почувствовала, что между ними существует определенная связь. Может быть, это и было так называемое сродство?! Мужун Шу Цин рассмеялась и покачала головой, а затем вышла из этого маленького кабинета. В течение следующих нескольких дней ей не придется скучать.

- Слушаюсь, - Цзин Шуй собрала оставшиеся книги и последовала за ней, чтобы выйти за дверь.

Войдя на второй этаж, где располагались хозяйские покои, Лу И уже успела как следует прибраться в комнате. Она взяла книги, которые были в руках Мужун Шу Цин, и положила их на диван рядом с низким столиком. Она знала, что Шу Цин не любит читать, сидя на стуле перед письменным столом, поэтому она попросила слуг переставить диван во внутреннюю

комнату, чтобы барышня могла удобно устроиться во время чтения.

Мужун Шу Цин стояла, прислонившись к окну, и снова пила чай, искусно заваренный Цзин Шуй. Глядя на двух девушек, которые хлопотали вокруг, уголки ее рта постепенно поднимались вверх. Она наконец-то поняла, почему богатая молодая барышня не знала элементарных вещей и не могла даже позаботиться о себе самой, выглядя пустоголовой дурачкой. Ей уделялось столько внимания, и все было подготовлено заранее девушками-служанками. Тут, не то что делать что-то руками, но и мозгом едва ли необходимо было пользоваться.

Ветер снова и снова трепал ее волосы. Наслаждаясь прохладным ветерком, который дул позади нее, Мужун Шу Цин слегка улыбнулась и сказала: «Вы двое можете идти отдыхать».

Взяв уже заваренный чай и поставив его на низкий столик, Лу И собралась уходить. Цзин Шуй стояла в стороне, слегка нахмурив брови, не зная, остаться или уйти. Хотя она и ухаживала за этим двором много лет, но никогда никому не прислуживала. Но она была хорошо осведомлена о правилах: служанка никак не могла пойти отдыхать раньше госпожи. Даже если барышня ляжет спать, они должны по очереди совершать ночное бдение, разве нет?

Лу И посмотрела на Цзин Шуй, которая стояла там с непонимающим видом и рассмеялась. Подойдя к ней, она потянула Цзин Шуй за руку и сказала: «Пойдем. Когда барышня читает, она не любит, чтобы ее тревожили».

На самом деле барышня не хотела, чтобы они засиживались допоздна из-за нее, поэтому дома, когда барышня читала книги или просматривала бухгалтерские отчеты, она всегда отпускала их пораньше.

Увидев, что Мужун Шу Цин уже лежит на диване, Лу И махнула рукой и быстро вышла. Цзин Шуй ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ней, беспомощно улыбувшись. Наверное, это самое большое счастье – иметь такую хозяйку.

Когда девушки покинули комнату, Мужун Шу Цин начала разминать плечи. Она действительно немного устала сегодня. Наугад выбрав из кипы книг ту, что потоньше, она вновь вспомнила об этой талантливой девушке, которая по слухам была добродетельной и умелой. Интересно, какие замечательные слова и красивые построенные предложения она могла написать.

Однако, начав читать ее дневник, она настолько погрузилась в чтение, что совсем потеряла счет времени.

В дверь легонько постучали, и раздался сонный голос Лу И, в котором можно было различить некоторую тревожную нотку: «Барышня, уже третья вахта [1]».

[1] время между 11 часами вечера и 1 часом ночи.

Третья вахта?! Мужун Шу Цин посмотрела на полную луну за окном, и точно, луна все еще была яркой, но уже клонилась к западу. Выходит, она читала в течение четырех-пяти часов. Размяв затекшие конечности, Мужун Шу Цин ответила: «Э-м-м, понятно. Иди отдыхай, я тоже скоро лягу».

Зная, что Лу И не уйдет, пока она не погасит свет, Мужун Шу Цин задула масляную лампу, но осталась лежать на диване у окна, как и раньше. Когда она услышала, как Лу И уходит, она медленно встала и положила книгу, которую держала в руке. Несмотря на то, что двор нельзя было считать большим, в окно можно было увидеть площадку и окружающий пейзаж.

Мир за окном был тих и безмолвен, и в эту холодную ночь хотелось даже послушать пение певчих птиц. Под лунным светом вечнозеленые кустарники выделялись большим темным пятном, а ослепительно белые хризантемы на отведенном им участке источали приятный аромат.

Мужун Шу Цин, казалось, понимала, почему Ци Юэ посадила этот вид белых хризантем перед внутренним двором.

- Ци Юэ... Ци Юэ...

Мужун Шу Цин тихонько пробормотала имя уже мёртвой женщины. Что она оставила после себя, так это бледные, чувственные хризантемы, наполнявшие двор ароматом чая.

Лунный свет, склонявшийся к западу, освещал внутренние покои и своей яркостью даже превосходил свет горящих свечей. Мужун Шу Цин осторожно положила книгу на диван, и услышала, как шуршит листва под порывами ветра. Это действительно был дневник Ци Юэ. Мужун Шу Цин не ожидала, что история внутри этого дневника будет пронизана таким настроением.

С самого детства таланты и эмоции Ци Юэ давили на нее. Даже ее учителя были настолько восхищены ее способностями, что говорили, если бы она была мужчиной, обязательно стала бы опорой для страны. Она была настоящим мастером пера. Все ее стихи, которые она писала, и все картины, которые рисовала, заставляли знатных молодых господ и влиятельных чиновников использовать все ресурсы, желая заполучить эти ценные предметы. Но поведение Ци Юэ всегда было холодным и высокомерным, и она презирала тех благородных мужчин, которые любили выслужиться. Ци Чжунлинь тоже был без ума от своей единственной дочери, и он множество раз отклонял просьбы о браке.

Когда Ци Юэ было 18 лет, на вершине горы Линшань она встретила молодого господина У Цина, который обсуждал буддийские учения. Он выглядел грациозно, свободно и непринужденно. Он совсем не был похож на тех светские люди или дворян с элегантными манерами, и именно это заставило Ци Юэ сильно восхищаться им. Естественно, прекрасный облик Ци Юэ, доброжелательный характер, множество талантов, а также общие интересы привлекли этого юношу.

Эти двое быстро влюбились друг в друга. Но статус Ци Юэ стал главным препятствием на пути их любви. У Цзин не желал становиться чиновником и погрузиться в грязные политические интриги и еще меньше желал носить репутацию человека, выискивающего благосклонность у сильных мира сего в надежде на продвижение. Ци Юэ планировала сбежать, но мужчина посчитал, что его собственное «я» - обычный дикий журавль, и не в силах обеспечить ей ту превосходную жизнь, которой она жила раньше, он ушел один, оставив после себя лишь знак их любви в виде изысканного нефрита. Ци Юэ даже не успела сказать ему, что беременна.

После того, как ее любимый ушел, она разбила этот изысканный драгоценный камень. В течение полугода ее выдали замуж за одного из богатейших людей Цзяннаня, Мужун Сяна, и все в столице были в смятении. С тех пор Ци Юэ никогда не возвращалась в столицу, и, следовательно, в семью Ци. Она не забрала ни одной вещи из своего маленького двора. Даже служанка, которая сопровождала ее с детства, осталась жить в Цуй Сяо Су.

Это нельзя было считать длинным дневником, но он был наполнен смехом, печалью, счастьем и страданиями Ци Юэ. Этот рассказ объяснял ее холодность, гордость и отчужденность.

Мужун Шу Цин долго не могла перестать думать о прочитанном. Особенно на нее произвела впечатление фраза Ци Юэ на последней странице. Там она оставила только эти слова: «Лишь одного мига хватило, чтобы упасть, но целая жизнь ушла на то, чтобы лелеять воспоминания».

Любовь – не то чувство, которое легко можно понять. Если бы молодой человек пошел на уступки и приструнил свою гордость или забрал бы Ци Юэ, чтобы сбежать и жить простой и незамысловатой жизнью, может быть, всё сложилось бы иначе. Если бы Ци Юэ не была такой гордой и стала бы разыскивать его по всей стране, интересно, был бы у этой истории другой конец?

Может быть, просто взаимной влюбленности недостаточно? По ее мнению, важно, чтобы влюбленные понимали друг друга. Трагедия Ци Юэ заключалась в том, что человек, которого она любила, и человек, который любил ее, не смог до конца ее понять. На самом деле ее мало заботила роскошная жизнь, дорогая постель и пуховая подушка в огромном поместье, она вполне могла жить, питаясь прозрачным бульоном, скудными гарнирами, и обходясь дешевой кроватью, тонким одеялом в крестьянской семье с маленьким двором. Она лишь надеялась, что они будут жить в мире и согласии, будут любить и защищать друг друга.

Но он этого не понимал.

Мужун Шу Цин сокрушенно вздохнула, горюя о выпавшей на долю Ци Юэ участи. Талантливая, грациозная, со своим собственным мнением, достоинством и уверенностью в себе, Ци Юэ была жива из-за любви, мертва из-за любви. Она превратила любовь в единственную цель своей жизни и конечную цель. Потеряв его, она завяла и умерла.

Расстроенная, Мужун Шу Цин взяла чашку чая с низкого столика, приготовленного Лу И, но зеленый чай уже давно остыл. Слегка поджав губы, она поставила ее обратно. Как ни хорош был чай, стоило ему остыть, он становился терпким.

<http://tl.rulate.ru/book/11038/1440316>